

**РАЗДЕЛ I. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ**

ББК 83.3(2Рос=Рус) + 86.372
УДК 821.161.1; 23/28

В. В. Каширина¹

Российская академия живописи, ваяния и зодчества

Ильи Глазунова (Москва)

v_kashirina@mail.ru

Е. В. Никольский²,

Карпатский университет имени Августина Волошина

eugenius-09@ukr.net

**ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КАНОНА
В АГИОГРАФИИ МУЧЕНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ НОВОМУЧЕНИКА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛЬСКОГО)**

В статье, посвященной анализу формирования и эволюции агиографического канона, рассматривается житие новомученика протоиерея Александра Никольского (1879–1938), чьи потомки проживали в г. Магнитогорске. Представлено краткое житие новопрославленного святого, составленное правнуком о. Александра, д.ф.н. Е.В. Никольским, проанализирована его кандидатская диссертация «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана», написанная в 1911 г. в Московской духовной академии и получившая положительные отзывы ректора Академии, епископа Волоколамского, vicария Московской епархии Феодора (Поздеевского) и инспектора Академии, профессора Александра Павловича Шостыина.

Выявлены основные особенности современного агиографического канона жития новомученика Александра

¹ Каширина Варвара Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры Основ гражданственности Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Москва), член Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, г. Москва, Россия

² Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr.hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

Никольского: документализм, широкое использование воспоминаний потомков. Интимность повествованию придают личные характеристики новомученика и лирические отступления автора. Сравнение житий нового времени с житийным канонам, а также исследование агиографии XIX–XX вв. позволяют выявить такую тенденцию ее развития, как размывание форм и границ жанра. С выпадением жития из богослужения Православной Церкви оно стало во многом подчиняться общим закономерностям литературного процесса. При этом крайне существенно, что вся литература нового времени развивается в направлении все большей секуляризации, что определяет и возрастающую секуляризацию агиографии. Традиционное нравственно-назидательное понимание агиографического произведения сейчас отходит на второй план, что приводит к значительному усилению психологизма в житии.

В настоящее время жития новомучеников не изучены как объект и словесного искусства и как жанр, стоящий на грани художественной и документальной литературы, что обуславливает актуальность обращения к данной теме.

Ключевые слова: агиографический канон, документальная проза, житийный жанр, новомученики, канонизация, протоиерей Александр Никольский (1879–1938), биография.

Формирование и эволюция агиографического канона. Житие – это словесная икона святого, его идеальный образ. Житие отличается от биографии, как икона от портрета, как проповедь от лекции, что обусловлено его изначальной тесной связью с богослужением.

Подобно иконе, житие пишется по канону, то есть по определенным правилам. Житийный канон, как и канон иконописный, сложился в Церкви не сразу. В первые века христианства агиографические сочинения отличались значительным разнообразием. И лишь со временем в христианской письменности для описания подвига святого сложились определенные литературные формы. Выработка принципов составления канонического жития в значительной степени связана с именем св. Симеона Метафраста (X век). Именно в его капитальном агиографическом своде были отработаны правила написания жития с точки зрения его структуры, содержания, стиля. Считается, что житийный канон более или менее окончательно сложился к XII в. В соответствии с его требованиями написана основная часть древнерусских житий [3; 4].

Агиографический канон предполагает определенную композицию жития: повествование о жизни святого как бы обрамляется введением и послесловием агиографа. Во введении автор, как правило, говорит о своем недостойнстве, испрашивает помощи Божией в изображении подвига святого, приводит параллели из Священной истории, подтверждая их многочисленными библейскими цитатами. Иногда вступление сокращается до признания автором своей греховности и недостойнства.

Существуют житийные каноны для каждого лика святых. И это не случайно. Единообразие житийного описания обусловлено не литературными жанровыми особенностями, а самой жизнью, имеет своим источником единообразие подвига. Зная, к какому лику (мученическому, святительскому, преподобническому) принадлежит подвижник, мы можем предугадать и в общих чертах представить его путь к святости, его подвиг. Канонизация формы и содержания жития нисколько не стесняет авторскую индивидуальность и творчество агиографа. *Канон в средневековой литературе ни в коей мере не являлся аналогом штампа*, поскольку свобода творчества не мыслилась вне определенных рамок, вне типических черт и нравственных схем, определяемых представлениями о христианском идеале [7; 8].

Важно понять, что каноническое житие изображает человека в его святости, поэтому оно, как правило, не говорит о грехах и ошибках подвижника, подобно тому, как на иконе святой изображается в своем «итоговом» (преображенном, прославленном, бесстрастном) состоянии, которое явилось плодом его жизненного подвига. А тернистый путь этого подвига с неизбежными для каждого человека согрешениями в иконе остается как бы «за кадром». Приблизительно то же самое мы видим и в житиях. В византийской и древнерусской агиографии святой представлен изначально безгрешным, с детства преуспевающим только в добродетелях. Его естественные немощи и грехи не упомянуты, поскольку они не являются предметом нашего назидания (образцом для подражания) и причиной нашего молитвенного обращения к святому, – ведь мы молимся ему как сосуду Святого Духа, предстателю перед Богом, достигшему вершин добродетели.

Но из этого правила есть исключения. О грехах святого канон позволяет говорить при описании его жизни до обращения в христианство или до вступления на путь подвижничества, чтобы тем самым еще более оттенить его добродетели после обращения, чтобы показать, что на вершины святости можно подняться даже

из самых глубин порока. Примерами этому могут послужить достаточно подробные описания греховной жизни прп. Марии Египетской и мч. Вонифатия до их обращения ко Христу. В житии могут описываться искушения святого, его немощи, сомнение в своих силах, уныние, даже падения и после его обращения. Но делается это исключительно с назидательной целью, чтобы показать, почему подвижник пал и как он восстал от своего падения [1; 2].

Итак, житие не ставит своей целью исчерпывающе пересказать биографию, как икона не стремится передать абсолютное портретное сходство. У него, как и у иконы, совершенно другая задача. ***Житие рисует духовный портрет святого, рассказывает о его пути к святости, о типе его подвига.***

По поводу достоверности житий хочется сказать и следующее. Трудно предположить, что агиограф сознательно вводил своих читателей в заблуждение, сознательно приводил ложные сведения о святом. Другое дело, что не всегда есть возможность досконально проверить все известные факты. Любой историк, в том числе и агиограф, может ошибиться.

Агиографический канон, определяющий содержание и форму житийного произведения, практически оставался неизменными до XIX века, до прихода в русскую словесность новых литературных норм. Конечно, не только это, но и религиозное состояние русского общества в целом привело к тому, что содержание, сущность жития и его место в культурном контексте подверглось значительным изменениям. Житие сблизилось с биографическими и историческими произведениями того времени. Изображение духовного облика святого стало уступать место описанию внешних фактов его биографии. Повествование жития разворачивалось уже не в плане вечности, а в рамках земной истории. Кроме того, с изменением языка, на котором пишется житие, ослабла его связь с богослужением, по-прежнему использующим только церковнославянский язык. Выйдя из круга православного богослужения, утратив священный язык, житие и само перестало быть частью священнодействия, приблизилось к разряду собственно литературных произведений.

На форму и содержание жития не могло не оказать влияния малое число канонизаций с XVIII в. до революции и фактически полное их отсутствие в советское время, до тысячелетия Крещения Руси. Поэтому жития, написанные в XX в., характеризуются значительной неоднородностью. Возможные принципы правильного составления житий современных подвижников сейчас еще только начинают

осознаваться. Среди авторов житий нет единства в понимании своих целей и задач, в выборе литературных средств.

Тем не менее, просматриваются некоторые общие тенденции, свойственные большинству современных агиографических произведений. В первую очередь, – это *тенденция к беллетризации жития*, стремление сделать жанр более художественным, тем самым облегчив его восприятие для читателя. Авторы, сохраняя точность в передаче исторических событий, описывают их в достаточно яркой, иногда чисто художественной манере. Живость литературных образов, динамика развития событий создают значительный контраст с историческим житием XIX в. В то же время эти особенности в некоторой степени сближают современное житие с образцами древнерусской литературы. Но разница между древнерусским и современным подходом к написанию жития, конечно, есть. Древнерусский книжник руководствовался нормами житийного канона, а современный писатель – своим пониманием литературных задач этого жанра и, во многом, нормами современной светской литературы. В то же время многие агиографы отказываются от собственного комментария к излагаемым фактам, от явно выраженного авторского отношения к происходящему, стремятся донести до читателя (практически документально) голос самого подвижника, не внося в его звучание своих собственных комментариев.

Несмотря на то, что в последние десятилетия наблюдается активизация агиографического творчества, возвращения этого жанра к его древнерусским истокам не происходит, и многочисленные новые жития отходят от канона все дальше и дальше.

Сравнение житий нового времени с житийным канонам, а также исследование агиографии XIX–XX вв. позволяют выявить такую тенденцию ее развития, как размывание форм и границ жанра. С выпадением жития из богослужения Православной Церкви оно стало во многом подчиняться общим закономерностям литературного процесса. При этом крайне существенно, что вся литература нового времени развивается в направлении все большей секуляризации, что, таким образом, определяет и возрастающую секуляризацию агиографии. И традиционное нравственно-назидательное понимание агиографического произведения сейчас отходит на второй план. Это приводит к значительному усилению психологизма в житии. В нем теперь изображается не столько идеальный облик святого, сколько просто конкретная личность, обычный человек, стремящийся ко спасению и достигающий его тяжелым путем искушений и ошибок.

Житие становится более драматичным, полным сложных коллизий, лишенным абсолютной однозначности, как и сама современная жизнь.

Именно такие тенденции мы наблюдаем и в описании новомучеников XX в. С этим типов житий дело обстоит проще, чем с сакрализованнными биографиями иерархов и аскетов. В христианской Церкви только пострадавшие за Христа и веру христианскую удостоиваются мученического венца. Все другие страдания – за своих любимых и близких, за родину и соотечественников, за великие идеи и идеалы, за научные истины, какими бы ни были они высокими, к святости отношения не имеют. Особо отметим, что мученичество есть высшее свидетельство об истине веры. Оно означает свидетельство до смерти. Мученик свидетельствует о Христе умершем и воскресшем, с Которым он соединен любовью. Он свидетельствует об истине веры и христианского учения. Он принимает насильственную смерть. Церковь с самым бережным вниманием хранит воспоминания о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы свидетельствовать о своей вере. Деяния мучеников составляют свидетельства Истины, написанные кровью [9].

Ведь знаком истинности христианской любви, постоянным, но особенно красноречивым в наши дни, является память о мучениках. Их свидетельство не должно быть забыто. Церковь первого тысячелетия родилась из крови мучеников: «Sanguis martirum – semen christianorum» («кровь мучеников – семя христиан»).

Для канонизации мученика необходимо доказать два обстоятельства: убийство христианина по религиозным мотивам и наличие страшного выбора: верность Христу (или Его заповедям) или смерть. Если человек выбирал второе, то он становился мучеником. Основным источником для современных мартирологов стали архивные материалы и свидетельства лиц, знавших того или иного новомученика лично.

В дальнейшей части статьи мы поделимся собственным опытом по составлению жития новомученика на примере жизнеописания протоиерея Александра Матвеевича Никольского (1879–1938) в соотношении с документальными материалами.

Автор жития – правнук отца Александра – доктор филологических наук Евгений Владимирович Никольский обратился к изучению духовного наследия святителя Феофана Затворника Вышенского; данный проект был реализован в Издательском Совете РПЦ МП. В ходе исследования феофановедческих материалов была обнаружена кандидатская диссертация о. Александра Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» [6], в которой с необыкновенной

ясностью и глубиной рассматриваются вопросы нравственного богословия. В 2010 г. (то есть через 100 лет после того, как о. Александр приступил к написанию своей диссертации о Феофане Затворнике) Евгений Владимирович стал экспертом Научно-редакционного совета по изданию творений святителя Феофана, Затворника Вышенского, приняв участие в значительном издательском проекте Русской Православной Церкви. Хорошо зная украинский язык, Евгений Владимирович много работал в архивах Киева и других городов Украины и России и внес значительный вклад в подготовку издания.

Отец Александр написал свою работу о святителе Феофане в 1911 г., когда еще не состоялось официального прославления Вышенского подвижника, но когда Феофан Затворник являлся признанным авторитетным богословом и церковным писателем.

Тот факт, что два поколения в одной семье посвятили свои научные изыскания виднейшему богослову и духовному писателю XIX в., не является простым совпадением. В этом чувствуется несомненная воля Божия и небесное благословение святителя. Правнуку отца Александра, продолжающему изучать духовное наследие святителя Феофана, своими трудами также хотелось бы послужить людям, и, публикуя настоящее исследование, воздать дань благодарной памяти своему предку.

Жизнеописание священномученика Александра Никольского.

О ранних годах жизни отца Александра известно немного. Александр Матвеевич Никольский родился 1 августа 1879 г. в селе Золотарево Мценского уезда Орловской губернии в семье потомственного священника Матвея Вениаминовича Никольского, бывшего духовником семьи Нилусов и крестившего их сына Сережу, будущего известного церковного писателя. Интересно отметить, что двоюродный дед отца Александра, протоиерей Самуил Федорович Никольский, преподавал в Орловской семинарии. Мать будущего богослова, украинка Людмила, происходила также из духовного сословия. В доме царили мир и любовь. Родители мальчика были примерными семьянинами, отличались добропорядочностью, трудолюбием, долготерпением, отзывчивостью ко всему живому. В их семье любили животных – лошадей, кошек, так исподволь супруги прививали Александру любовь к Божиему творению.

Матушка Людмила обладала редкой добротой, глубокой набожностью и старалась с детства приучить сына к искренней молитве, приводя в пример слова Иоанна Златоуста о том, что душа без молитвенного обращения к Богу мертва и бездыханна. На благодатную почву упало зернышко материнского слова. Александр

В. В. Каширина, Е. В. Никольский

от всей души радовался Божественной красоте окружающего мира, прославляя Творца, создавшего весь видимый мир.

Александр Никольский окончил Орловское духовное училище, затем Орловскую семинарию. Уже в студенческие годы он был талантливым проповедником, не раз получая поощрения от церковного начальства. Однокурсники относились к нему с любовью и почтением. Будучи человеком глубоким, собранным и серьезным, Александр Матвеевич вместе с тем был общительным и внимательным к людям. В свободное от богослужения и учебы время он любил совершать дальние прогулки в одиночестве, любясь красотой родной земли и благодарил Творца. Любил он и голубей, порою надолго уединялся в голубятне, заботился о птицах, понимал он и лошадей, которые по своему чувствовали его любовь и доброту.

После окончания Орловской семинарии Александр Матвеевич женился на польской дворянке Софье Александровне Санютыч-Курочницкой, представительнице древнего, но обедневшего рода, восходившего к тверским Рюриковичам и королю Владиславу-Ягайле. История их любви примечательна. Молодой семинарист был приглашен в усадьбу, чтобы давать уроки младшей дочери ясновельможного пана. На благочестивого юношу обратила внимание хозяйка имения Мария Иосифовна Курочницкая (урожденная фон Фризель), женщина богобоязненная, любившая богословские беседы. А ее дочь София в ту пору блистала в петербургском свете, дружила с Матильдой Феликсовной Кшесинской, в особняке которой танцевала с Великим князем Кириллом Владимировичем. Вернувшись из столицы, София познакомилась с Александром Матвеевичем и полюбила его. Однако она прекрасно понимала, что брак будет неравнородным, что отец из-за кастовых предрассудков не примет ее выбора. Она решила посоветоваться со своей подругой, имевшей связи при дворе. Матильда Кшесинская внимательно выслушала Софию и твердо сказала, что «титул дело наживное, а любовь – либо есть, либо нет». Вскоре влюбленные тайно покинули усадьбу и обвенчались. Позже они примирились с отцом невесты, который принял ее выбор.

В 1906 г. от руки владыки Серафима (Чичагова), епископа Орловского и Севского, Александр Матвеевич Никольский принял священническую хиротонию. Отец Александр служил сначала в селе Золоторево, а потом был переведен в село Гремяче под Карачевым, в той же Орловской губернии. В 1907–1911 гг. он проходил обучение в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, где написал исследование об аскетике «Процесс духовного христианского

совершенствования в освещении святителя Феофана Затворника», за которое получил степень кандидата богословия.

После окончания академии отец Александр преподавал в Карачевском духовном училище, окормлял не только простой народ, но и склонную к вольнодумству интеллигенцию. Последнее было непростым делом; однако, в отличие от других пастырей того времени, отец Александр находил с ними общий язык. А. М. Никольский хорошо играл на гитаре, знал не только церковные канты, благочестивое наследие культуры XVIII столетия, но и романсы, народные песни и очень изящно их исполнял. Он мог выпить бокал вина, сыграть партию в шахматы. Представители земства его так и называли «светский батюшка». При этом его влияние было очень ярким: люди становились ближе Богу и церкви.

В 1917 г. новое правительство постановило отделить Церковь от государства. Из-за болезней детей и необходимости ухода за престарелой тещей Марией Иосифовной фон Фризель-Куроцицкой (+ 1918), зверски избитой во время большевицкого погрома ее усадьбы, семья не смогла выехать за границу. Двоюродный брат матушки, пан Михал Саютыч-Курочицкий, поехал в 1919 году на разведку в Варшаву, но был арестован при попытке пересечения советско-польской границы и расстрелян.

Тогда начался период исповедничества для священника и его семьи, оставшейся в СССР. Духовное училище было закрыто, и отец Александр всецело посвятил себя пастырской работе и молитве. Церковные таинства стали совершаться скрытно: за крещение или венчание люди подвергались не только оскорблениям и понуканиям, – их увольняли с работы, они становились объектом репрессий. Семья новыми властями стала именоваться «ячейкой общества», а не союзом свыше, школы сделались тоже государственными, где больше не преподавали Закон Божий. До сих пор мы пожинаем горькие плоды такого отношения советского государства к Церкви, ведь познание Истины может дать только изучение Священных книг, а духовное развитие – заботливый батюшка. Что говорить, если даже новогоднюю елку вскоре объявили «порождением поповщины» и запретили!

К 1919 г. власть большевиков окрепла, и преследования священнослужителей усилились. Под маской обличения «тунеядцев» и «обманщиков» народа новая власть начала открытый террор по отношению к христианам. Это время стало началом беспрецедентных гонений на Церковь. Публично устраивались «обличительные» диспуты между священниками и «идеологами нового времени», имевшие целью опорочить учение Церкви и пригвоздить к «позорному столбу всех попов»; под улюлюканье толпы

В. В. Каширина, Е. В. Никольский

сбрасывались колокола; начались аресты верующих; кого-то насильно выдворяли из страны.

Широко развернувшаяся идеологическая борьба против Православной Церкви достигла своей цели. Взбудораженная толпа в предвкушении благ, которые обещала новая, «народная» власть, под видом восстановления социальной справедливости грабила дома священников, нередко посягая на жизнь священнослужителей и членов их семей, крушила иконостасы, выламывая священные лики из серебряных и золотых окладов. Осквернялись монастыри, уничтожались церковные книги. Тяжелые свинцовые тучи большевистских погромов, казалось, навсегда сокрыли чистое небо над золотыми куполами церквей.

Эти тяжелые времена застали семью Никольских в селе Гремяче. Из просторного дома их переселили в ветхую лачугу, выкинули шкафы с книгами и подшивками светских и духовных журналов, которые собирались десятилетиями.

Отец Александр не покинул свой приход, несмотря на претерпеваемые бедствия, делал духовное дело, – дело всей жизни. В нем пылал дар Духа, помогающий вынести гораздо больше, чем может вытерпеть человек. Опьяненные легкой наживой, прикрываясь благородными целями, под видом помощи голодающим, представители новой власти искали у священника золото и драгоценности. Семью лишили гражданских прав – подростки Александр и Евгений были отчислены из Ленинградского университета по причине социального происхождения, Софья Александровна зарабатывала на жизнь шитьем.

В это время активизировалась деятельность обновленцев и иных церковных группировок. Отец Александр всегда поддерживал Святейшего Патриарха Тихона, от которого в 1925 г. получил наперсный крест и сан протоиерея.

Всю свою последующую жизнь отец Александр служил в Карачевском районе Брянской области, в селах Гремячево и Речицы. Обладая даром проповедника, разъяснял Священное Писание, стараясь передать всю глубину Божественного учения, учил жить по заповедям Христовым. Он не только поучал и наставлял в православной вере своих прихожан, занимался нравственным воспитанием молодежи, утверждением православных и христианских установлений, но давал практические советы по житейским вопросам, помогал в приобретении предметов первой необходимости, лечил прихожан, покупал для них медикаменты. Со всей полнотой любящего сердца отец Александр жил со своими пасомыми, отечески заботясь об их благе

и спасении. Люди ценили батюшку за беззаветное служение Господу и за необыкновенную доброту. Он всегда был готов прийти на помощь. Очень часто, приходя на требы в дом в бедную семью, не только не брал у них никаких денег, но отдавал им все деньги, какие у него были при себе, все, до последней копейки. Любой человек в любое время мог прийти к нему со своими проблемами, своей болью, и получить добрый совет и утешение. Никому и ни в какой просьбе отец Александр не отказывал, всех принимал с любовью и участием.

Новые власти предлагали отцу Александру отказаться от сана. Некоторые его знакомые священники так и поступали, устранившись потом довольно неплохо: кто становился учителем, кто счетоводом. Но о. Александр ни о чем подобном даже думать не мог. Он прекрасно понимал, что его ожидает и сознательно шел по пути исповедничества.

30 сентября 1937 г. отец Александр был арестован. На 29 сентября приходится память святой Людмилы, в честь которой была названа младшая дочь отца Александра, а 30 сентября – в день памяти Веры, Надежды и Любви и матери их Софии – были именины у матушки. В семье Никольских оба празднование совмещали.

Днем, когда семья сидела за праздничным столом, к дому Никольских подкатил черный воронок. Чекисты ворвались в комнату. Мать и дочь были перепуганы, девочка заплакала. Но батюшка и в такой ситуации сумел ее утешить: «Вот, Люся, посмотри, какая машинка за мной приехала, а я еще никогда на таких не катался», – и вышел на улицу.

На следующий день Софья Александровна почла в местное ЧК с передачей для супруга. Но ее встретили с матерной бранью: «Тебя, дворяночку, тоже приберем и кокнуем, как твоего попа, со всеми твоими вырожденками.., катись, антисоветская мразь, пока еще цела». За месяц до ареста о. Александр, предчувствуя свою участь, сказал жене: «Если со мной что-то случится, уезжай в Сибирь и спасай детей». Софья Александровна исполнила его волю.

Отца Александра осудили по второму пункту 58-й статьи за антисоветскую агитацию. В Информационном центре ФСБ РФ по Орловской области сохранилось архивное дело, из которого можно узнать, как вел себя отец Александр на допросах.

– Обвиняемый Никольский, следствие располагает данными о том, что вы среди населения и верующих проводили антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий советской власти. Вы признаете это? – спрашивал следователь.

– Нет, этого я не признаю.

В. В. Каширина, Е. В. Никольский

– Вы показываете неправду. Следствию известно о том, что вы летом 1937 года агитировали против новой конституции, распространяя о ней клевету.

– Нет, этого я также не признаю.

– Вы опять показываете неправду. В июне 1937 года вы распространяли клевету о колхозах, о якобы плохой жизни в колхозах.

– Этого я также не признаю.

– Вы лжете, в октябре 1937 года вы высказывали контрреволюционные террористические настроения по адресу руководителей партии и советского правительства. Требуем прекратить заипирательства и дать правдивые показания.

– Повторяю, контрреволюционных террористических настроений я нигде не высказывал.

– Вы также обвиняетесь в том, что высказывали гнусную клевету по адресу советского правительства и советских законов.

– Никакой клеветы по адресу законов и советского правительства я не высказывал.

К делу привлекли и так называемого «свидетеля», который показал, будто Александр Матвеевич говорил: «Это не советская власть, а изверги, закрыли все церкви, полное гонение на верующих, всех верующих арестовывают ни за что», а также сетовал, что при царе такого не было. Имелся в виду один случай. Отца Александра пригласили в соседнюю деревню напутствовать умирающего. Батюшка попросил в колхозе лошадь. Ему, естественно, отказали, и он по жаре пошел пешком. Потом за чаем рассказал об этом, а «бдительный свидетель» (его имя сохранилось в следственном деле, но разглашать его мы не станем) донес о разговоре в компетентные органы. Отцу Александру припомнили еще и то, что он, несмотря на запреты властей, после закрытия церкви совершал богослужения в сарае, принимал там исповеди, крестил и венчал, что по случаю засухи в 1937 г. устроил крестный ход по полям и прочую «антисоветскую деятельность». Часто допросы продолжались без перерыва в течение нескольких суток, сопровождаясь угрозами и, по-видимому, пытками, и потому неоднократно прерывались. Полгода его мучили, содержали в нечеловеческих условиях, в тесном помещении каземата людей было столько, что можно было только стоять вплотную друг к другу.

Несмотря на истязания, угрозы и показания лжесвидетелей, Александр Матвеевич себя виновным не признал. По обвинительному заключению, объявленному на заседании особой тройки при Управлении НКВД СССР по делу Никольского Александра

Матвеевича по обвинению в контрреволюционной деятельности была назначена высшая мера наказания – расстрел. Приговор был приведен в исполнение в тюрьме города Брянска 16 февраля 1938 г.

Семья отца Александра выжила на Урале в городе Магнитогорске, где она просуществовала почти полвека фактически как семья ссыльных. Софья Александровна скончалась в 1970 г., навсегда сохранив в своем сердце память о своем убиенном супруге. Ее невестка, жена сына Евгения, благочестивая христианка Анна Давыдовна Гранатырь, высланная на Урал с Волыни, почитала о. Александра как мученика и благодарила Бога за брак с его сыном. Она и научила своего внука Евгения, ставшего филологом и богословом, чтить память прадеда и обращаться к нему в молитвах. На Брянщине люди называли отца Александра «святым» еще при жизни, и надолго сохранили в сердце память о добром батюшке. Позднее, почти через 30 лет после его гибели, земляки вспоминали своего родимого батюшку и рассказывали о нем его детям и внукам.

С просьбой рассмотреть вопрос о канонизации отца Александра в лике новомучеников правнук, оказавшийся в эмиграции пятой волны и работавший в Варшавском Университете (Польша), обратился в ближайшую православную организацию (ПЦУ), которая могла бы решить вопрос о канонизации о. Александра. Для этого он приехал на аудиенцию к митрополиту Львовскому и Сокальскому Димитрию (Рудюку), доктору богословия и церковной истории. Просвещенный иерарх, ознакомившись с документами, сказал проф. Е. В. Никольскому, что препятствий к канонизации нет, благословил всю семью и друзей на домашнее почитание убиенного священника и рекомендовал по этому вопросу обратиться в г. Ужгород к епископу Кириллу (Михалюку), главе комиссии по канонизации святых. По благословению епископа Кирилла, разделившего стремления правнука и активно содействовавшего ему, были подготовлены материалы для канонизации, изучив которые, Комиссия вынесла положительное заключение, и назначила дату прославления на 5 декабря 2018 г.

В этот день после литургии в храме Трех Святителей в Ужгородском замке, которую совершил владыка Кирилл в сослужении епископата, а правнук помогал ему в качестве иподиакона, был зачитан акт о прославлении протоиерея Александра Никольского в лике святых. Хор пропел тропарь и кондак новомученику, а когда епископ вышел на амвон из алтаря и благословил народ написанной в закарпатском стиле иконой, на которой был изображен отец Александр, в старинном, покрытым барочными

изразцами замковом окне, заиграло солнце. Солнечный свет стал своего рода знаком того, что небо благословило память убиенного священника. Во время проведения епископ Кирилл отметил, что память протоиерея Александра будет совершаться 16 февраля, в день после Сретения Господня, когда новомученик «отпраздновал Сретения в мрачной советской тюрьме, вознеся на встречу к Господу нашему Иисусу Христу, победив своим мученичеством саму смерть». В настоящее время икона о. Александра находится в храме Двенадцати апостолов в Ужгороде и перед нею молятся православные закарпатцы.

Кандидатская диссертация о. Александра Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана»

Как стало известно в ходе изучения феофановедческих материалов, дореволюционные работы студентов и магистрантов Академии хранятся в составе рукописного фонда Московской духовной академии (НИОР РГБ. Ф. 172). Среди них – кандидатская работа студента LXVI выпуска о. Александра Матвеевича Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» [6], которая является одной из самых ярких студенческих работ, посвященных анализу нравственных вопросов в трудах святителя Феофана.

Процесс духовного совершенствования человека святитель Феофан делит на три стадии: обращение к Богу, очищение или самоисправление, освящение. Следуя этой логике, и диссертант выделяет три основных главы.

В первой главе «Общие богословские воззрения преосвященного Феофана, как основания его взглядов на христианское совершенствование» [6, 15–66] анализируется процесс обращения человека к Богу как начало духовного христианского совершенствования. Основная задача христианина, по мысли святителя Феофана, – это «Богообщение, живой союз с Богом». И поэтому в работе необходимо ответить на вопрос, что надо сделать человеку для приготовления себя для вселения Бога, построения невидимого храма в сердце человека.

Вера, по святителю Феофану, составляет основу и сущность личного момента действительного участия христианина в усвоении ему спасения Христова. В работе автор ставит вопрос: «В чем же выражается и проявляется внутренняя работа самого благодетельствованного человека?» [6, 31–32]. Для христианского совершенствования необходим внутренний подвиг: «...все, что человек предпринимает для своего спасения – действия, упражнения, труды, –

сводится к тому, что он должен предпринять в новой жизни подвиг, притом подвиг должен быть в жизни христианина не случайным явлением...» [6, 33–34], чтобы противостоять врагам спасения: плоти, миру и диаволу. Средства спасения для христианина заключаются в Церкви: иерархия, слово Божие, таинства и обряды [6, 43].

Во второй главе «Начало духовного христианского совершенствования: обращение человека к Богу» [6, 67–97] описан путь восхождения человека по духовной лестнице добродетелей.

Третья глава «Необходимость трудничества или подвига при духовном христианском совершенствовании после обращения» [6, 97–104] содержит три раздела.

В первом разделе третьей главы «Выражение трудничества в положительном делании или самопринуждении / хранении духа ревности и упражнении сил в добре» [6, 105–151] говорится о необходимости ревности в христианской жизни, с которой «должно быть тесно связано терпение, которое, по определению преосвящ. Феофана, имеет две стороны: будучи обращено внутрь, оно есть постоянство в добре, – и в этом отношении не обуславливается ничем внешним, а есть нераздельная и всегдашняя черта доброго настроения. Будучи же обращено ко вне, оно есть сносливость, перенесение всех трудностей, встречаемых на добром пути, или при исполнении созревающих внутри добрых начинаний» [6, 108].

Святитель Феофан выделяет три главные силы души – ум, волю и чувство, поэтому и духовное совершенствование, по мысли А. Никольского, должно быть подразделено на три вида, вести соответственно к образованию ума, воли, сердца и чувства [5, 117].

«Образования ума должно состоять в том, чтобы напечатлеть в нем истины веры так глубоко, чтобы они составляли существенную потребность его духовной природы, без которых он не мог бы обходиться. Упражнения эти следующие: чтение и слушание Слова Божия, отеческих писаний, житий св. отцев, взаимное собеседование и испрошение совета у опытных людей [6, 118]. «Образование воли состоит в напечатлении в ней, путем упражнения в частных добродетелях, – смирения, кротости, терпения, воздержания и пр., – настроения, противоположного главным немощам воли – своеволию, непокорности, нетерпению ига. Общее к тому средство – самоотверженная покорность воли Божией – выражается, с одной стороны, в исполнении по порядку в каждый день, возможных по положению каждого, с другой – в навыке узнавать и исполнять волю Божию во всех случаях жизни...» [6, 120].

«Образование сердца состоит в воспитании в нем вкуса ко всему божественному, духовному, с равнодушием или даже отвращением ко всему другому» [6, 140], однако сам «процесс образования сердца долг и труден. Сочувствие к плотскому, страстному, самоугодному долго еще прорываются из сердца и по обращении, и после опытов трудничества над очищением сердца. На первых порах сочувствие все лежит на стороне прежней страстной жизни; оно только удерживается в пределах силою решимости. Потом начинает являться сочувствие к добру; далее оно уравнивается с противоположным сочувствием к страстному; после берет верх над сим последним; затем, сочувствие к страстному умирает, а, наконец, и все страстное, плотское, самоугодливое становится неприятным, душа начинает мерзить им. Средство или делание, направленное к образованию сердца – все вообще наше священнослужение во всех его видах – и общее, и частное, и домашнее, и церковное, а главным образом – движущийся в нем дух молитвенный» [6, 141].

Во втором разделе третьей главы «Выражение трудничества в отрицательных занятиях – подвиги самопротивления, или борьба со страстями и похотями» [6, 152] дается определение страстей, рассматривается процесс их образования. Святитель Феофан определяет страсти как «худое настроение воли». «Более частное деление страстей – это деление их на телесные и душевные. Источное начало первых – плотоугодие. Виды его: похоть блудная, чревоугодие, сластолюбие, леность, изнеженность, блуждание чувств, говорливость, рассеянность, непоседливость, вольность во всем, смехотворство, празднословие, сонливость, дремание зениц, жажда приятного и всякого рода творения угодия плоти в похоти [6, 158].

Душевные страсти отец А. М. Никольский вслед за святителем Феофаном подразделяет на три части:

а) в умственной части – своеумие, вера в свой только ум, прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, дмение и кичение, пытливость, расхищение ума, блуждание помыслов;

б) в части желательной – своеволие, непокоривость, властолюбие, жестокость, предприимчивость, самонадеянность, себе присвоение, неблагодарность, любообладание, лихоимание;

в) в части чувствующей – потрясающий покой и мир сердца страсти, или разного рода приятности и неприятности: гнев, зависть, ненависть, злоба, месть, осуждение, презорство, славолюбие, тщеславие, тоска, печаль, скорби, уныние, радости, веселости, страхи, надежды, ожидания [6, 159].

В третьем разделе третьей главы «Телесные подвиги и порядок внешней жизни у обратившегося к Богу по духу жизни новой» автор утверждает, что «не только духовная сторона подвижника, но и его телесная природа должна принимать непосредственное, активное участие в подвиге христианского совершенствования, так как последняя есть приемник созревающего в душе» [6, 181]. Средства к стеснению плоти – пост, бодрствование, труд и нравственная чистота [6, 182].

Четвертая глава «Предел духовного христианского совершенствования в достижении бесстрастия. Живое Богообщение, как следствие бесстрастия, или чистоты сердца подвижника» [6, 207] посвящена изложению третьей степени христианской жизни – это указание предела духовного христианского совершенствования, которое выражается в бесстрастии, следствием или плодом которого бывает живое Богообщение – цель всех трудов и подвигов христианина.

В Заклчении дана характеристика святителя Феофана как прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, дмение и кичение богослова-нравоучителя, указано на значение его трудов для нравственного и аскетического богословия, и христианской психологии.

Как отмечает А. Никольский, «имя преосвящ. Феофана тесно связано с именем науки православно-христианского нравоучения. В каждом труде по нравственному богословию можно найти на видном месте его имя, выдержки из его сочинений, а в некоторых трудах целые отделы излагаются по его сочинениям» [6, 230] и пишет об особенностях духовного наследия Феофана Затворника: «Что касается впечатлений, вынесенных нами из всех сочинений преосвященного Феофана, – это назидательность, искренность, теплота и задушевность. Более всего, кажется, и сам преосвященный заботился об этих качествах своих писаний: «Как дорого умягчить сердце! – восклицает он. – Оно одно заменяет все правила и все руководства. Умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научит вас всему» [6, 289].

В «Журнале собраний Совета Московской духовной академии» в «Богословском вестнике» за 1912 год [7, 286–291] были опубликованы два отзыва на кандидатское сочинение о. Александра Никольского:

1) Ректора Московской духовной академии, епископа Волоколамского, викария Московской епархии Феодора (Поздеевского);

2) Инспектора Академии, профессора Александра Павловича Шостьина (1862–1916).

Владыка Феодор, высказывая ряд справедливых замечаний, отмечал высокий уровень сочинения, где содержался «первый опыт систематизации аскетических взглядов нашего выдающегося отечественного подвижника-святителя» [7, 289].

Положительные отзывы заслуженных оппонентов, актуальность темы и глубина ее раскрытия свидетельствуют о незаурядном богословском и личностном таланте отца Александра, ставя его исследование в ряду важнейших по Феофановской тематике.

Краткие выводы. Особенности современного агиографического канона в житии новомученика Александра Никольского

Составление жития протоиерея Александра происходило в несколько этапов. Первым делом стал анализ родовых преданий. У выживших в ссылке детей священника, его сына Евгения и дочери Людмилы, автор жития (правнук новомученика) узнал детали жизни их отца. Из всего материала нужно было выбрать ключевые моменты жизни отца Александра. Начало жития вполне традиционно: автор пишет о благочестии и духовных традициях семьи будущего святого. Следующим моментом стало обращение в архив ФСБ РФ, автору прислали выписку из дела. Но на этом поиски не закончились. Затем наступило тяжелое для правнука ознакомление с полной версией расстрельного дела, которое удалось получить с очень большим трудом. Из него выделены были два момента:

1) у Александра Матвеевича Никольского был выбор. Ему неоднократно предлагали отказаться от пастырского служения и делали соответствующие предупреждения.

2) Арест, суд и последующее расстрел были осуществлены во время гонения на христианство в Советском Союзе, то есть смерть произошла по религиозным мотивам.

Документальный материал автором жития был творчески переработан в соответствии с канонам. Но принципиального расхождения между документами и житийной схемой не наблюдалось. Точнее было бы сказать, что документы просто укладывались в традиционные рамки агиографического канона. Более того, они подтверждали духовный подвиг о. Александра.

Именно документальные материалы стали теми красками, которыми были нарисована словесная икона новомученика. При работе произошла и документация семейных преданий. Однако при написании жития необходимо было решить вопрос о соотношении старой схемы канона и новой тенденции к беллетризации.

Для современного читателя византийская матрица не может работать. Поэтому в житии подробно освещается судьба матушки, польской дворянки Софьи Александровны Санютыч-Курочицкой и ее придворных связей. Эта история показала, что ради любви будущий новомученик был готов идти на испытания, что подчеркивало человечность будущего святого.

Таким образом, автор жития в целом следует агиографическим канонам, но сознательно допускает некоторые исключения из правила, что проявилось, например, в описании обстановки в семье будущего мученика, в анализе его кандидатской диссертации, в рассказе о том, как его семья выжила на Урале.

Житие завершается кратким повествованием о канонизации о. Александра, историей ее подготовки и описании самой церемонии. Этот рассказ сопровождается лирическими авторскими отступлениями, повествующими о встречах с иерархами, их дружеском участии в прославлении. Житие дополнено пейзажными зарисовками. Например, как особое небесное знамение, рассматривается появление солнечного света в самый момент канонизации. Данные факты включены в житие для того, чтобы создать «времен связующую нить» и проиллюстрировать то богословское положение, что решение о канонизации – это дело Церкви, а не только желание потомка почтить память предка.

В настоящее время жития новомучеников не изучены как объект и словесного искусства и как жанр, стоящий на грани художественной и документальной литературы. Во-первых, еще предстоит построить их типологии посмотреть на какие аспекты из жизни того или иного подвижника акцентируется внимание, что становится основой для их внедрения в житийный текст, а какие моменты опускаются и почему. Какова роль тех или иных, а также документальных материалов в общей архитектонике жития того ли иного новомученика.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это сопоставление конфессиональных традиций при составлении житий новомучеников. Например, в Московском патриархате и в Киевском патриархате, а также у греко-католиков наблюдаются некоторые отличия в составлении житий. В греко-католических житиях зачастую речь идет не только о страданиях святого, сколько о всей его жизни предшествующих периодов, причем довольно подробно. В описаниях православных новомучеников XX в. говорится больше об их страданиях. Современному читателю, даже глубоко верующему христианину, важно понимать не только то, как человек пожертвовал собой ради высших истин, но как он жил до периода испытаний. Таковые основные наблюдения о современных житиях, которыми мы хотели бы поделиться с благосклонными читателями.

Литература

1. Антонова, М. В. Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса / М. В. Антонова // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 172–175.
2. Дорофеева, Л. Г. Проблемы изучения русской агиографии / Л. Г. Дорофеева // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2017. – № 8 (1). – С. 11–23.
3. Климова, М. Н. К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков / М. Н. Климова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4. – С. 156–161.
4. Краснова Н. А., Краснов, А. Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов / Н. А. Краснова, А. Г. Краснов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 14 (2–3). – С. 740–747.
5. Никольский, А. М., протоиерей. Процесс духовного христианского совершенствования в освящении святителя Феофана Затворника / А. М. Никольский. – М.: URSS, 2017. – 152 с.
6. Никольский, А. М. Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана. Рукопись. 1911 / А. М. Никольский // НИОР РГБ. Ф. 172. К. 318. Ед. хр. 9. – 138 с.
7. Отзывы на работу священника Александра Матвеевича Никольского «Процесс духовного христианского совершенствования по изображению епископа Феофана» // Богословский вестник. – 1912. – Т. 1. – Февраль. – С. 286–291.
8. Растягаев, А. В. Проблема художественного канона древнерусской агиографии / А. В. Растягаев // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 5–1. – С. 86–92.
9. Юрьева, Т. В. Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема / Т. В. Юрьева // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2015. – № 2 (42). – С. 140–148.

References

1. Antonova, M. V. Syuzhetny`e toposy` v agiografii. Postanovka voprosa [Subject top wasps in the hagiography. question statement] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]. – 2013. – № 2. – S. 172–175.
2. Dorofeeva, L. G. Problemy` izucheniya russkoj agiografii [Problems of Studying Russian Hagiography] // Slovo.ru: Baltijskij accent [Slovo.ru: the Baltic accent]. – 2017. – № 8 (1). – S. 11–23.

3. Klimova, M. N. K izucheniyu zhitijnoj tradicii v ruskoj literature XIX–XX vekov [On the learning (investigation) of hagiographic tradition in russin literature of XIX-XX centuries] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk state pedagogical university bulletin]. – 2009. – № 4. – S. 156–161.
4. Krasnova, N. A., Krasnov, A. G. Motivy` zhitiya i agiologicheskix zhanrov`x variantov [Hagiographical motives as the main component of hagiography as a genre and this genre subdivisions] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center]. – 2012. – № 14 (2–3). – S. 740–747.
5. Nikol`skij, A. M., protoierej. Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya v osveshhenii svyatitelya Feofana Zatvornika. – Moscow: URSS, 2017. – 152 s.
6. Nikol`skij, A. M. Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya po izobrazheniyu episkopa Feofana. Rukopis`. 1911 // NIOR RGB. F. 172. K. 318. Ed. xr. 9. – 138 s.
7. Otzy`vy` na rabotu svyashhennika Aleksandra Matveevicha Nikol`skogo «Process duxovnogo xristianskogo sovershenstvovaniya po izobrazheniyu episkopa Feofana» // Bogoslovskij vestnik. – 1912. – T. 1. – Fevral`. – S. 286–291.
8. Rastyagaev, A. V. Problema xudozhestvennogo kanona drevnerusskoj agiografii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 5–1. – S. 86–92.
9. Yur`eva, T. V. Kanonizaciya svyaty`x ruskoj cerkvi kak kul`turologicheskaya problema [Canonization of the Russian Church Saints as a Cultural Problem] // Gumanitarny`j vektor. Seriya: Filosofiya, kul`turologiya [Humanitarian Vector]. – 2015. – № 2 (42). – S. 140–148.

THE EVOLUTION OF THE ARTISTIC CANON IN HAGIOGRAPHY
OF THE MARTYRS (ON THE EXAMPLE
OF THE LIFE OF NEW MARTYR ALEXANDER NIKOLSKY)

V. V. Kashirina

Doctor of Philology, Professor of the Department of civics,
member of the scientific and publishing Council for the publication
of the Complete collection of the creation by St. Theophanes,
the Recluse Russian Ilya Glazunovs Academy of painting,
sculpture and architecture (Moscow, Russia)

В. В. Каширина, Е. В. Никольский

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, doctor of theology, master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes, the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin (Uzhgorod, Ukraine)

Abstract

The article, devoted to the analysis of the formation and evolution of the hagiographic Canon, examines the life of the new Martyr Archpriest Alexander Nikolsky (1879-1938), whose descendants lived in Magnitogorsk. The article presents a brief life of the newly-blessed Saint, compiled by the great-grandson of fr. Alexander, Professor E. V. Nikolsky, who analyzes his spiritual heritage—the candidate's dissertation "The process of spiritual Christian perfection by the image of Bishop Theophanes", written in 1911 in the Moscow theological Academy, which received positive reviews of the rector of the Academy, Bishop of Volokolamsk, vicar of the Moscow diocese Theodore (Pozdeevsky) and inspector of the Academy, Professor Alexander Pavlovich Shostin.

The main features of the modern hagiographic Canon of the life of the new Martyr Alexander Nikolsky are revealed: documentalism, wide use of descendants' memories. The intimacy of the narration is given by the personal characteristics of the new Martyr and the lyrical digressions of the author. A comparison of the lives of the new time with the hagiographic Canon, and a study of hagiography XIX–XX centuries allow to identify the trend of its development, as the blurring of forms and boundaries of the genre. With the loss of life from the worship of the Orthodox Church, it became largely subject to the General laws of the literary process. At the same time, it is extremely important that all the literature of the new time is developing in the direction of increasing secularization, which determines the increasing secularization of hagiography. The traditional moral and edifying understanding of hagiographic works now fades into the background, which leads to a significant increase in psychology in life.

Currently, the lives of the new martyrs are not studied as an object and verbal art and as a genre that stands on the verge of fiction and documentary literature, which determines the relevance of the appeal to this topic.

Keywords: hagiographic Canon, documentary prose, hagiographic genre, new martyrs, canonization, Archpriest Alexander Nikolsky (1879–1938), biography

Поступила в редакцию 09.01.2019